

Придать вес ЕАЭС

Беларусь в контексте евразийской экономической интеграции

Александр СИНКЕВИЧ,
экономист

В условиях глобального кризиса на первые роли выходят большие экономические пространства, одно из которых – Евразийский экономический союз. Беларусь, как единственная республика бывшего СССР, сохранившая и приумножившая свой промышленный потенциал, имеет все возможности принять участие в модернизации и реиндустриализации северного континентального пространства на мобилизационных принципах с целью успешного вхождения в новый технологический и социально-экономический уклад. Эти масштабные мероприятия нуждаются в тщательном планировании, создании межотраслевых и межрегиональных балансов с использованием передовых информационно-коммуникационных технологий. От активного участия Беларуси в данных процессах зависит ее место в будущем мире.

Реиндустриализация и реинтеграция

Мировой экономический кризис постепенно меняет мировоззрение национальных элит. На наших глазах США переходит к самомобилизации: собственные нефть и газ уже превысили российский уровень добычи, многие промышленные предприятия возвращаются из Юго-Восточной Азии, нарастает экспорт (в 2009 году он составил 1,58 трлн долларов, а в 2013 году – 2,28 трлн). Курс на реиндустриализацию Европейского союза провозгласил в июле нынешнего года и новый президент Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер, заявив о начале программы инвестирования 300 млрд евро. Таким образом, меняется география

мировой экономики: тренд на глобализацию сменяется трендом на кристаллизацию больших экономических пространств, способных в кризисных условиях к полной либо частичной автаркии.

На этом фоне майское подписание договора о создании Евразийского экономического союза выглядит знаковым событием. На повестке дня – наполнение договора эффективными программами мобилизации незадействованных ресурсов и возможностей стран – участниц ЕАЭС, наращивание экономического, политического и военного веса нового объединения. Именно это является первоочередной задачей, поскольку совокупный валовой внутренний продукт Евразийского экономического союза сейчас не достигает даже 3 % от мирового ВВП, тогда как в 1990 году ВВП СССР составлял 14 %. Также следует признать критически малым объем рынка в 170 млн человек, а также уровень технологической независимости.

Вернуть утраченные позиции и сформировать привлекательный имидж ЕАЭС можно лишь путем модернизации и реиндустриализации всего евразийского пространства. Беларусь способна сыграть в этих процессах ключевую роль, так как еще в середине 1990-х годов наша страна благоразумно решила сохранять и развивать свои индустриальные мощности, делая это в плотном экономическом союзе с

ОБ АВТОРЕ

СИНКЕВИЧ Александр Петрович.

Родился в 1975 году в Минске. Окончил Белорусскую государственную политехническую академию (1996).

С 1996 по 2000 год работал в различных государственных и частных предприятиях Беларуси. С 2000 года – директор консалтинговой ИТ-компании «Синкевич Технолоджис», преподаватель Института Сертифицированных Финансовых Менеджеров ICFM (Великобритания).

Бакалавр экономики (1996).

Автор более 50 научно-публицистических работ, в том числе одного учебного пособия (в соавторстве).

Сфера научных интересов: экономика, информационные технологии, геополитика.

Россией. Результаты такого исторического выбора мы наблюдаем теперь в контрасте с восточноевропейскими странами, скоропалительные надежды которых на «новую экономику» услуг лопнули вместе с мировым финансовым пузырем.

Беларусь же являет собой настоящий индустриальный оазис: наша страна выпускает 17 % всех комбайнов в мире, 6 % тракторов, 6,4 % льноволокна и 2,8 % картофеля, доля БелАЗ на мировом рынке достигает 30 %. Производство молока на душу населения в 2,8 раза больше, чем в странах Евросоюза, и в 8,4 раза – чем в мире в целом, мяса – соответственно в 1,1 и 2,2 раза, зерна – в 1,6 и 2,5 раза больше. Беларусь занимает четвертое место в мире по чистому экспорту масла животного, пятое место – по чистому экспорту сухого обезжиренного молока и по экспорту сыров. Что касается области высоких технологий, так по экспорту ИТ-услуг на душу населения опережает все страны СНГ. Действует Парк высоких технологий, строится белорусско-китайский индустриальный парк, возводится собственная АЭС.

Что касается России и Казахстана, то здесь уместнее вести речь о реиндустриализации. Однако вначале следует понять, что же привело к драматической деградации многоотраслевых экономик этих стран в 1990-е годы. Главная причина в том, что правительства сделали ставку на развитие сырьевого направления и пренебрегли всеми остальными. Секрет же советского стремительного экономического роста заключался в механизме перекрестного субсидирования, когда часть сверхдоходов от природной ренты перенаправлялась на строительство и развитие множества заводов, сельхозпредприятий, образовательных и научно-исследовательских учреждений. Таково было осмысленное решение советского правительства, альтернативы которому для севера континента просто не существует: суровый и непредсказуемый климат делает убыточными и неконкурентоспособными агрокомплекс и капитальное строительство, а огромные малозаселенные просторы требуют колоссальных вложений в инфраструктуру.

Реформаторы 1990-х прочили фантастическое обогащение России, Казахстана и других республик, богатых полезными ископаемыми, после введения мировых цен на

сырье, экспортерами которого они являлись. Однако эффект оказался обратным. Разрушение механизма внутрисоюзных цен, где сырьевые отрасли питали всю экономику, привело к экономической катастрофе, прежде всего для России, где были уничтожены тысячи предприятий и уникальных технологий, разрушены целые отрасли экономики от животноводства до станкостроения. Но главное – произошло неслыханное имущественное расслоение общества: 0,2 % семей захватили 70 % национального богатства, а медианный доход обычных граждан (половина населения получает доходы больше этого показателя, половина – меньше) оказался ниже, согласно данным Института Гэллага, чем даже у белорусов.

Исправить указанные перекосы можно при обязательном условии восстановления межотраслевого субсидирования в ЕАЭС и обеспечения равных условий хозяйствования для предприятий всех стран-союзниц. Естественным конкурентным преимуществом являются природные богатства, и будет преступно им не воспользоваться для воссоздания единой многоотраслевой экономики, для вовлечения в хозяйственный оборот своих незадействованных ресурсов и мощностей. К сожалению, заключенный договор о Евразийском экономическом союзе откладывает создание общего и равноправного рынка энергоносителей еще на 10 лет – до 2025 года. Кроме того, на 900 товарных позиций наложены ограничения на товарооборот. Но, несмотря на медлительность интеграции, планировать работу в новых условиях нужно уже сейчас.

И одна из главных задач – импортозамещение. Оно должно быть осмысленной долгосрочной стратегией, а не ситуативным политическим инструментом в споре с Западом за Украину. Что толку, если готовые изделия будут импортироваться, скажем, не из Германии, а из Китая? Следует помнить, что только российский рынок импортирует различных товаров из-за пределов Евразийского экономического союза на 500 млрд долларов, а ведь значительная часть этого объема может производиться в Беларуси, Казахстане и России. Сейчас российский импорт из Беларуси составляет 16 млрд долларов. Данный показатель потенциально можно поднять в два и даже три раза при условии целенаправленного импортозамещения.

Производить или импортировать?

Ответ на вопрос, что производить в Евразийском экономическом союзе, а что импортировать, уже сейчас должны давать политики и экономисты, разрабатывая стратегические планы развития Северной Евразии и просчитывая потребность в ресурсах и производственных мощностях. Решать эти проблемы можно на той методологической базе, которая была наработана в прежние времена, в частности, при помощи межотраслевых балансов (МОБ), активно применявшихся еще с 1920-х годов. Визуально МОБ представляет собой совмещение двух таблиц, одна из которых характеризует затраты ресурсов на производство, а другая – распределение произведенной продукции и услуг.

В условиях неразвитости вычислительной техники и программного обеспечения на МОБ накладывались серьезные ограничения по детализации отраслей, ресурсов и регионов, вынуждая их агрегировать и рассчитывать баланс только в стоимостном выражении. В наше время расчет МОБ в количественном исчислении вплоть до подробного номенклатурного разреза стал технически возможен, причем как в режиме фактического учета, так и в режиме планирования. Именно такие процессы автоматизируются в корпоративных информационных системах, используемых для управления крупными бизнесами, что вполне применимо и для государственных систем управления народно-хозяйственным комплексом. Отличия от советской административной системы заключались бы в усложнении модели за счет добавления многоукладности экономики, допускающей новые степени свободы для негосударственных игроков. Важную роль призван сыграть механизм государственно-частного партнерства, который должен стимулировать творчество снизу и тиражировать успешные инициативы малого бизнеса.

Необходимо, чтобы изменения коснулись и процесса подготовки консолидированного плана: вместо командно-административного планирования «сверху-вниз» должны использоваться смешанные технологии индикативного планирования, которые применяются в последние несколь-

ко десятков лет в ведущих странах мира (Франции, Германии, Японии и др.). Индикативное планирование подразумевает рекомендательный характер согласованных плановых показателей, вовлечение в процесс планирования всех хозяйствующих субъектов и высокий уровень их самоответственности. Таким образом, происходит синтез централизованного управления с инициативой на микроуровне, обеспечивающий совпадение векторов развития гражданских и предпринимательских структур, локальных и отраслевых кластеров со стратегическим вектором движения общества, подчинение частных интересов общей сверхцели. Такая модель позволяет достигать синергетического эффекта от применения централизованной и распределенной моделей управления.

Эти механизмы хорошо известны и успешно реализуются в корпоративной практике: любой холдинг, имеющий отлаженную систему бюджетирования и управления, совмещает директивы «сверху» и встречные инициативы «снизу», а помимо методов материального поощрения и наказания успешно применяет и нематериальные стимулы.

Общая модель экономического планирования должна быть достаточно гибкой, способной прорабатывать множество сценариев развития ситуации, быть готовой к анализу чувствительности и управлению рисками. Главным ключевым показателем системы управления будет не чистая прибыль, являющаяся целью и смыслом существования капиталистической экономики. Как показал опыт советского управления народным хозяйством, двумя ключевыми показателями экономической деятельности на государственном уровне должны стать:

1) объем производства в натуральном выражении, в том числе исполнение плановых показателей;

2) снижение себестоимости единицы продукции.

Именно на эти показатели указывал еще Генри Форд-старший как на важнейшие для обеспечения долгосрочного экономического успеха. Для предприятий холдингового типа они во многом достигаются благодаря трансфертному ценообразованию, когда подразделения торгуют между собой по специальным договорным ценам, которые подлежат планомерному снижению. Безу-

▲ Первая городская электричка, поступившая в Беларусь из Швейцарии. 2011 год

словно, эти механизмы будут востребованы в новых системах управления экономикой, в том числе при помощи прозрачного перекрестного субсидирования.

Разумеется, показатель прибыльности также должен приниматься в расчет. Вместе с тем совершенно недопустимо руководствоваться исключительно логикой максимизации нормы прибыли: мол, если нерентабельно, то не производим. Есть еще масса других факторов, влияющих на дилемму «производить или импортировать». Например, особые требования к качеству товаров. Хорошо известна ситуация, когда Украина к футбольному Евро-2012 закупила электрички, отвергнув предложения собственных производителей и выбрав недорогие корейские поезда. В результате непригодные к украинскому климату электропоезда стали героями анекдотов благодаря своим многочисленным поломкам. В качестве противоположного примера можно привести белорусский подход: швейцарская фирма Штадлер, славящаяся качеством своей продукции, продала белорусам несколько электричек, которые уже успешно эксплуатируются в наших условиях, но главное – швейцарцы взяли на себя обязательства запустить совместное производство поездов в Фаниполе.

Кроме того, нужно учитывать вопросы национальной безопасности. В частности, каждая страна в соответствии с рекомендациями ФАО должна обеспечивать собственную продовольственную безопасность, даже если это и нерентабельно. Следует также помнить о социальной стабильности: закрытие больших предприятий гене-

рирует тысячи безработных, стимулирует бегство квалифицированной рабочей силы и ее замещение нелегальными мигрантами из бедных и криминализованных стран.

Странам ЕАЭС чрезвычайно важны технологическая самостоятельность, развитие собственного военно-промышленного комплекса, эффективное использование имеющихся производственных мощностей, их своевременная модернизация в соответствии с научно-техническим прогрессом. Без этого Беларусь не сможет сохранить нынешний статус индустриального оазиса Восточной Европы, а Россия и Казахстан – эффективно контролировать свои гигантские пространства и ресурсы.

Мобилизационная модель развития

Осознание необходимости качественного управления экономикой в государственных и наднациональных масштабах происходит во всем мире. Повсюду усиливается государственное регулирование, акцентируются требования к частному бизнесу, расширяется практика применения социально-экономического планирования и др. Так, ужесточаются правила ведения бизнеса и финансовой отчетности (закон Додда-Франка, соглашение Базель III и др.), разворачиваются многомиллиардные программы поддержки промышленности и сельского хозяйства, озвучиваются инициативы по введению более жесткой модели управления. Таким образом, подавлением кризиса тренд на деглобализацию дополняется запросом на делиберализацию.

В связи с этим особенно опасными становятся запоздалые призывы отдельных публицистов к либерализации и глобализации белорусской экономики. В условиях мирового экономического кризиса это таит в себе огромные риски. Достаточно вспомнить ход восточноевропейских реформ в разгар распада социалистической системы, включавший в себя либерализацию и снятие запретов на трансграничное движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Беларусь рискует получить те же эффекты, что восточноевропейские предшественники, в частности:

1. Падение уровня производства сельского хозяйства и пищевой промышленности

в 2–3 раза при сохранении уровня дотаций на европейском уровне либо практически полное уничтожение этих отраслей при отсутствии дотаций.

2. Полное уничтожение всего машиностроения.

3. Из 4,5 млн рабочих мест ликвидируется примерно треть, что породит поток мигрантов в Россию и Европу.

Причем развитие сферы услуг может лишь частично смягчить остроту проблемы. В частности, даже один из самых успешных транзитов от «старой» к «новой» экономике, когда сталелитейной Питтсбург превратился в постмодернистский центр услуг, повлек уменьшение населения в городе с 500 до 300 тыс. человек.

В то же время надолго консервировать действующую в Беларуси социально-экономическую модель в условиях евразийской интеграции тоже не получится. Такая ситуация чревата постепенной распродажей госсобственности и технологической деградацией.

Единственной жизнеспособной альтернативой выглядит превращение Беларуси из индустриального энегронасыщенного оазиса Восточной Европы во флагман реиндустриализации и модернизации всего Евразийского союза с одновременным повышением качества собственного управления и переходом к новому технологическому укладу. Это высокая цель и непростая задача, подразумевающая мобилизацию всех доступных ресурсов: финансовых, материальных, трудовых, природных. Классическое определение мобилизационного типа развития, данное профессором Андреем Фоновым, звучит так: «Развитие, ориентированное на достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм».

Мобилизационная экономика была ранее характерна в основном для военного времени. Нынешний глобальный кризис породил угрозы именно такого масштаба и уровня риска, что было публично отмечено руководителем МВФ Кристиной Лагард еще в 2012 году: «В условиях отсутствия роста будущее мировой экономики в опасности, и, возможно, наиболее серьезной проблемой будет громадное наследие государственного долга, который в настоящее время составляет в среднем 110 процентов (к ВВП) экономически развитых стран, что вполне

соответствует уровню военного времени». И если до 2014 года восточноевропейцам подобные заявления казались просто словами, то гражданская война в Украине наглядно показала серьезность ситуации и сделала выбор мобилизационного пути развития практически неотвратимым и жизненно необходимым. Мирный период в Европе затянулся на 70 лет, поэтому конверсия экономики на военный и мобилизационный лад будет особенно трудной ввиду частичной утраты самих технологий конверсии экономической модели.

Поэтому при проектировании системы управления экономикой Беларуси и стран ЕАЭС необходимо изначально закладывать принципы мобилизации и конверсионности с возможностью быстрого переключения между разными задачами и целями. Помимо стандартных межотраслевых балансов, должны разрабатываться их мобилизационные варианты в нескольких сценариях, переформатированные под чрезвычайные цели: противостояние внешним военным и экономическим угрозам, а также внутренней нестабильности, подготовка и преодоление последствий техногенных и природных катастроф и т.д.

Параллельно следует отлаживать технологии трансформации экономической модели, а ключевые хозяйственные игроки должны вовлекаться в их разработку и тестирование. Все эти мероприятия нужно подкреплять национальным законодательством и наличием квалифицированных кадров, способных управлять процессами конверсии. Такие комплексные системы управления экономикой рано или поздно будут востребованы как в Беларуси, так и на всем постсоветском пространстве. Страна-разработчик может стать экспортером не только товаров и услуг, но и интеллектуальных моделей управления экономикой в кризисных условиях.

Проблемы «новой экономики»

Отдельно стоит затронуть проблему «новой экономики», ориентированной на сферу услуг, которая в последние десятилетия превратилась в некий фетиш для общественного мнения. Уже в 1970-е годы такие мыслители, как Э. Тоффлер и У. Ростоу, отметили, что аграрное хозяйство и индустриализация прошли пики своего развития, и

на смену этим двум экономическим волнам идет «третья волна» – постиндустриальная экономика знаний и сервиса. Еще в XIX веке сфера услуг ограничивалась несложной обработкой материалов и торговлей. С тех пор сфера материального производства сделала гигантский шаг вперед: один современный фермер способен кормить целый поселок, а заводы и логистические центры превращаются в почти безлюдные роботизированные комплексы. В новых условиях все больше людей высвобождается из сферы материального производства. Занять их можно лишь в новой экономике интеллектуального сервиса. Минувшие десятилетия подтвердили этот тренд – сфера услуг стремительно расширяется, превысив $\frac{2}{3}$ мирового ВВП.

Однако важно помнить, что услуга – это деятельность без материальных результатов, «воздух», которым удобно манипулировать, подобно Евросоюзу, включившему в ВВП услуги проституток и нелегальный оборот наркотиков. Венгрия, применившая в 2009 году этот прием, одновременно «нарастила» свой ВВП на 1 %. Подобный абсурд – побочный эффект пресыщенного постиндустриального общества: в отсутствие высоких целей и ценностей в нем лавинообразно происходит деградация, превращающая человеческую цивилизацию в стадо, потакающее примитивным инстинктам и выдумывающее все новые забавы. В итоге люди убивают лучшие годы жизни в компьютерных играх и социальных сетях, не вылезая из кредитов, «чтобы дотянуть до зарплаты», тратят деньги и здоровье на бесконечные острые ощущения. Так

человечество использует свой потенциал не для социального, культурного и экономического роста, а во вред себе и потомкам.

Кроме того, искусственно выдуманные услуги крайне неустойчивы к кризисным колебаниям и являются благодатной почвой для таких афер, как крах «доткомов» в 2000 году, рынка ипотеки в США в 2008 году, обвал латвийских банков в 2009 году. Даже легкое дуновение в мире моды, рекламы или новых технологий способно вызвать масштабные экономические потрясения, которые в современном мире никак не страхуются.

Традиционные услуги тоже бывают небезопасны: например, если всю розницу отдать на откуп крупным гипермаркетам, то кажущееся потребительское удобство выливается в грабительскую торговую надбавку, потерю качества товаров, разорение производителей и покупателей. Если же допустить захват розничной торговли иностранными сетями, то это уже полноценный вызов национальной безопасности.

Общество обязано управлять этими рисками, а роль модератора в сфере услуг должна принадлежать государственным органам. Первоочередная задача ЕАЭС – выбор и указание приоритетов, сохранение разумного баланса между сектором услуг и реальным производством, которое обязано быть локомотивом для экономики сервиса и знаний.

Создавая экономику услуг, главное – правильно ее сконфигурировать, задать необходимые точки роста и заблаговременно заглушить «сорняки». Каковы эффективные пропорции разных услуг в общем объеме, как отделять полезные услуги от вредных? Можно ведь кормить малообеспеченных стариков или спаивать молодежь, летать в космос для освоения новых ресурсов или для туристических развлечений.

Для простоты анализа разделим сферу услуг на категории А и Б, подобно классификации промышленности в Советском Союзе: «группа А» изготавливала средства производства, «группа Б» – потребительские товары. Правильный баланс между ними – важнейшая социально-инженерная задача.

Зависимость от внешних поставщиков услуг «группы А» ставит страну в положение вечно догоняющей и зависимой от чужих знаний и технологий. Поэтому Евразийско-

му экономическому союзу важно создать собственный сильный рынок банковских, страховых, девелоперских и информационных услуг, а также развивать научно-исследовательскую сферу.

Что касается услуг «группы Б», то без них невозможно построить здоровое и устойчивое общество. Но сейчас в мире в абсолют возводится не возвращение всесторонне развитой личности, а потакание низменным человеческим инстинктам: в США оборот одной только индустрии развлечений сравнялся с объемом производства военно-промышленного комплекса. Вся экономическая и интеллектуальная мощь нации работает над удовлетворением прихотей абстрактного индивидуума. Подобные риски по-прежнему актуальны, ведь с точки зрения краткосрочной экономической выгоды более интересен запуск игорных и публичных домов, чем создание музеев или спортивно-оздоровительных центров. Однако построение гармоничного, грамотного и здорового социума важнее частных удовольствий или коммерческой выгоды. Универсальное мерило для определения приоритетных отраслей и направлений экономики услуг – долгосрочное общественное благо, укрепление суверенитета и геополитического веса своей страны и союзников.

Беларусь, сумевшая в свое время нащупать более эффективную и справедливую социально-экономическую модель, чем у остальных участниц ЕАЭС, должна сформулировать собственное видение «новой экономики», предложить ее пропорции для наднациональных межотраслевых балансов и суметь пролоббировать свою позицию.

Экономическая экспансия ЕАЭС

Решая задачи импортозамещения, реиндустриализации и модернизации, создания новой модели управления народнохозяйственным комплексом, необходимо уже сейчас готовить стратегию экономической экспансии ЕАЭС в глобальном масштабе. И здесь допустимо ориентироваться на белорусский опыт строительства многовекторной экономики. Глобальный кризис заставляет покупателей отказываться от излишнего комфорта и технологической «навороченности» в пользу простых, качественных и недорогих товаров и услуг, чем

обычно и отличается белорусская продукция. Неслучайно стратегическими направлениями белорусской внешнеэкономической деятельности уже давно являются Азия, Латинская Америка, Африка. Важность взаимодействия с этими регионами обусловлена их экономическим ростом, причем Азия показывает рекордные показатели: за последние 15 лет ее доля в мировом ВВП увеличилась с 14 до 26 %. Очевидно, что центр мировой экономики переносится из Европы и Северной Америки в этот регион.

Неспроста Беларусь в текущем году открыла или готовится открыть дипломатические представительства в Монголии, Пакистане, Катаре, Эквадоре, Австралии, изучает подобные возможности для Ирака и Анголы, подписаны соглашения об облегчении визового режима с Сингапуром, ОАЭ, Лаосом, Турцией, Боливией, Бразилией. Именно в этих регионах Минск видит для себя экономические перспективы. Можно сказать, что Беларусь торит путь для всего Евразийского экономического союза, как это в свое время произошло в отношениях с Венесуэлой. Нельзя ждать, пока придет покупатель, нужно самим разворачивать экономическую экспансию по всем направлениям.

И здесь недостаточно ограничиваться работой МИД – намного важнее, чтобы евразийские финансовые институты, прежде всего Евразийский банк развития, предложили нашим производителям разнообразные и удобные механизмы кредитной и лизинговой поддержки экспортных программ. Это аксиома внешнеэкономической деятельности: так США после Второй мировой войны захватили европейские рынки с помощью плана Маршалла, а теперь Китай замечательно продвигает свою продукцию по всему миру благодаря механизмам связанных кредитов.

Евразийскому экономическому союзу необходимо учиться у лидеров рынка, при необходимости приглашать компетентных специалистов из других стран. Тогда наши общие усилия принесут желанный экономический и политический эффект и позволят на равных разговаривать с европейскими партнерами, чтобы приступить к осуществлению проекта равноправной интеграции интеграций северного континентального пространства от Лиссабона до Владивостока, который был озвучен еще в 2011 году белорусским Президентом. ▀